

От чужих берегов

Автор:

[Андрей Круз](#)

От чужих берегов

Андрей Круз

Мир «Эпохи мёртвых»Я! Еду! Домой! #2

Цивилизация рухнула, земля превратилась в филиал ада. Мертвые пошли по земле, чтобы питаться от живых, наступила эпоха страха, анархии и жестокости. Сможет ли это все помешать человеку доехать до дома, где его ждет семья? Он считает, что нет, пусть даже для этого надо пересечь континенты и океаны, прорваться через владения банд и оживших мертвецов. И пусть смертельная опасность поджидает на каждом шагу – у него есть цель, к которой он обязан идти.

Андрей Круз

От чужих берегов

11 апреля, среда, утро. Округ Юма, Аризона, США

Дорога, пыльная и жаркая, тянулась опустевшей веной через мертвое тело этого мира. Недавно здесь ездили машины, катили трактора и фермерские грузовики, проезжали скул-басы, отвозя детей из крошечных городков в школу и забирая их оттуда, а теперь все замерло. Сама жизнь ушла из этих мест, уступив свое место Смерти.

Странно, что сейчас этот мертвый мир умудрялся выглядеть таким праздничным. Мало что сравнится по красоте с аризонским утром, когда огромное жаркое солнце поднимается из-за холмов, окрашивая их блеклые днем бока в яркий розовый цвет. И так празднично, ярко начинается новый день, что поневоле задумываешься – а для кого? Для последних людей, уцелевших, сумевших вырваться, выскочить из-под накатывающего вала живой мертвечины, спрятавшихся, запершихся в крепких местах, отгородившихся от того, что недавно было центрами местной цивилизации, милями и милями жаркой пустыни?

Наш фургон пылил через гигантский полигон Юма Прувинг Граунд, по слегка присыпанной песком аккуратной асфальтовой двухполоске. Машин почти не стало, и дороги понемногу заносит песком – ничто не сгоняет его к обочинам.

Мы только что покинули берег водохранилища, ставшего главной ценностью этих засушливых мест. Там мы видели вооруженных людей, приглядывающих с блоков за дорогой, но стоило углубиться в поля – безлюдная и мертвая пустота окружила нас. Мелькнула небольшая промзона полигона, на которой располагался последний же опорный пункт, потерялся в хвосте пыли крошечный аэродром Лагуна, и потянулись с двух сторон сначала песчаные насыпи, а потом просто кочки, поросшие сухим кустарником и травой, за которыми, впрочем, местами виднелось проволочное ограждение. Потом и оно исчезло.

Затем песчаные холмы по правой стороне начали постепенно расти и превращаться в красноватые аризонские скалы. Слева же кочки так и оставались кочками, словно отставая от правой стороны в развитии. Затем они, словно испугавшись чего-то, резко отскочили в сторону – дорога вынесла нас в поле, но новые холмы и скалы уже громоздились на горизонте, постепенно надвигаясь на наш одинокий белый фургон. Затем опять, словно передумав исчезать, начали расти скалы справа и вскоре превратились в «Короля Аризоны» – скальный массив Кофа, увенчанный Сигнальным Пиком, возвышающимся над Палм-Каньоном.

Потом вновь тянулись поля с вышками опор высоковольтной линии, опять скалы, все краснее и круче, показался массив Гранитных гор слева, а за ним – светлые домики маленького, но при этом широко раскинувшегося городка. Первую полусотню километров пути мы отмахали меньше чем за час – ехал я медленно и аккуратно, стараясь максимально экономить бензин.

– Где мы? – чуть оживившись, спросила молчавшая до сих пор Дрика – худенькая, скорее даже тощая, молоденькая голландская художница, которую я подобрал в Юме, застрявшей в чужом доме в окружении бродящих вокруг оживших мертвецов. Спас, и она решила присоединиться ко мне в моем вояже до Европы.

Сейчас она сидела справа, экипированная как заправский боец, и сжимала в руках армейский карабин М-4 с полуторакратным оптическим прицелом, причем сжимала уже вполне сноровисто.

– Это Кварцсайт, – сказал я, – маленький городишко на старой кварцевой шахте. Здесь повнимательней, пожалуйста. Объезда вокруг него нет, придется чесать через весь город.

Когда я планировал свой маршрут, то выбирал по принципу «ни одной центральной дороги». Но в такой планировке был и минус – второстепенные дороги редко огибают населенные пункты, придется всегда прорываться через самый их центр.

С двух сторон показались почти пустые трейлерные парки, Аройос и Ла Меса, заставившие немного напрячься – памяты нам всем «трейлерщики» из окрестностей Юмы. Но там было безлюдно, а затем дорога разбежалась в четырехполоску, перемахнула по путепроводу через Интерстейт 10 и решительно рванула к городу, превращаясь из шоссе в центральную улицу.

Затем слева показались обугленные останки заправки «Шелл» и еще пары зданий за нею, судя по оставшейся и уцелевшей вывеске – какой-то харчевни и еще чего-то. Там были зомби, несколько, бестолково топтавшихся на месте, но вообще окрестности не поражали изобилием живой мертвечины. А живые, как я думаю, должны были отсюда смыться – своей воды здесь не было. Скважины имелись, не без того, но кто будет качать из них по всем домам?

Мелькнули домики – мы проскочили жилой район, затем вновь увидели трейлерный парк, уже туристический. Здесь вообще всегда было много туристов, приезжавших посмотреть на те же старые шахты, скалы, пустыню, проникнуться духом Дикого Запада. Собственно говоря, именно туристами городок Кварцсайт последние десятилетия и жил.

Но люди все же нашлись: стоило нам покинуть пределы населенного пункта, как впереди, слева от дороги, показалась мачта с обвисшим американским флагом, возвышающаяся из-за кучи мешков с песком. За мешками виднелось широкое одноэтажное здание с воротами вроде гаражных и небольшими окнами. На его фронтоне была надпись «Пожарный департамент Кварцсайта». Большая стоянка вокруг него была оплетена каким-то невероятным количеством рядов колючей проволоки, в которой застряло несколько человеческих тел – наверняка мертвяки пытались перебраться. За мешками стоял часовой с винтовкой, следивший за нами, но никакой враждебности не проявлявший.

Затем дорога опять собралась в две полосы, слева мелькнула еще одна территория, заплетенная колючкой, за которой виднелась техника национальной гвардии и главное – телевышка. Вот откуда, оказывается, до сих пор идут передачи на коротких волнах. Молодцы, укрепились. Я даже побибикал приветственно, но оттуда никто на это не отреагировал – ни взмахом руки, ни даже выстрелом.

Пейзаж поначалу было немного изменился в лучшую сторону – сухой кустарник и траву разбавили редкие, но большие и раскидистые деревья, больше всего напоминающие акацию. Наверное, акация это и была, я в ботанике не то что дуб дубом, а вообще ноль. А затем эта лафа быстро свернулась, и нас окружила самая классическая, песчаная и плоская как стол пустыня с редкими пучками какой-то колючки, кое-где пробивающейся из песка.

– Где мы сейчас? – вновь спросила Дрика.

Чуть пригнувшись, чтобы не бликовало, я глянул на плоский экранчик навигатора и ответил:

– К Паркеру приближаемся. Называется это городом, но вообще деревня деревней. Там направо свернем, на семьдесят вторую. К счастью, сам городок в стороне остается.

Дрика чуть помолчала, затем сказала:

– Очень странно в такой пустоте ехать. Слово во сне. Знаешь, такие страшные детские сны, когда ты просыпаешься – и не можешь никого найти и понимаешь, что осталась совсем одна. Мне часто такие снились.

– А мне никогда, – усмехнулся я. – У меня кошмары в детстве были всего два, и оба раза на один сюжет – в моем дворе из-за угла выходит мужик с совершенно синей, словно покрашенной, мордой. Я начинаю над ним смеяться, а он вдруг как кинется на меня, молча совсем. Я бежать – а ноги словно приросли.

– А дальше?

– Дальше орал во весь голос и от этого просыпался, все как подобает.

– А я после своих снов всегда плакала до утра. Но тихо – страшно уже не было, просто очень грустно и себя жалко.

– Мне себя всегда жалко, – сказал я. – Особенно когда голодный.

Она не сразу поняла шутку, затем засмеялась, тряхнув головой так, что прядки светлых волос хлестнули по глазам. Каждый раз, как это вижу, щурюсь, словно это мне попало.

Вскоре показался обещанный поворот, ничем не примечательный, и мы вывернули на дорогу номер семьдесят два. Проехали по ней немного, и вскоре нам попался одинокий мертвяк, бредущий вдоль белой осевой, которого мы просто аккуратно объехали. В зеркало я увидел, как он рванулся за машиной, запутался в своих ногах и свалился. Тупой совсем, остальные из их «племени» вроде как поумнели уже. Интересно, что это его в пустыню занесло?

Загадка разрешилась, возможно, примерно через километр – на обочине дороги стоял старый «Шевроле Каприче», по которому кто-то неслабо пострелял, а салон был весь забрызган кровью. Не удержавшись, притормозил, чтобы разглядеть подробности.

Машина была пустой, багажник открыт, а заодно почему-то и капот, из салона вели кровавые следы в обратном направлении, быстро превращающиеся в бурые пятна и сходящие на нет. Кровь не была свежей – не сейчас убили водителя. Да и тот мертвяк, которого мы видели, успел начать разлагаться.

Вывод последовал нерадостный: на неприятности с людьми можно нарваться не только на основных трассах, но и на самых заштатных. Надо повнимательней. Не знаю, что тут случилось, но мне это не понравилось.

Мотор рыкнул чуть громче, пришпоренный педалью газа, и тяжелый фургон начал набирать свои законные пятьдесят миль в час – я принципиально не разгонялся быстрее, ограничивая скорость круиз-контролем, чтобы даже искушения не было. Очень уж велик соблазн гнать по совершенно пустынной дороге, но бензина в результате изведешь великое множество и – самое главное – рискуешь не заметить какую-то проблемку вроде лежащего поперек бревна за поворотом. За дорогами-то уже давно следить перестали, так что риск влететь во что-то очень и очень велик. И техничку с эвакуатором не вызовешь.

Дрика явно напряглась, без всяких моих напоминаний, ее светло-голубые глаза начали обшаривать и горизонт, и окрестности с утроенным вниманием. Это хорошо, полезно, пусть в тонусе будет. Глядишь, и заметит что важное.

– Боус впереди, – сказал я, указав рукой на очередную кучку светлых домиков с чахлыми кустиками между ними, широко разбросанных по плоской песчаной равнине.

– Боус? – не поняв, переспросила девушка.

– Городишко маленький, тоже на туристах жил, – пояснил я. – Там вроде шахтерского лагеря что-то осталось, вот и катаются посмотреть. В общем, все эти шахты и резервации – это и есть вся история в этих краях. После него опять пустыня километров на двадцать и развилка с шестидесятым шоссе.

– Интересно, как здесь с зомби? – спросила она.

– Думаю, что если у людей на плечах была голова, а не футбольный мяч, то должны были отбиться. Отсюда до любого крупного населенного пункта далеко, да и маленьких вокруг почти нет. Так, деревеньки и отдельные фермы.

Она лишь кивнула, ничего больше не сказав, и дальше мы катили в полном молчании, только груз у нас за спиной иногда негромко побрякивал на неровностях шоссе. Я еще подумал, что на привале следует кое-что проложить картонками, которых я набрал с собой немало как раз для такой

оказии.

Вскоре справа на горизонте возникла гора почти правильной конической формы, затем вдоль шоссе потянулись лежащие на столбах жерди корала для лошадей, а потом показались привычные светлые дома городка. И не просто дома, а дома, возле которых виднелись люди, и не просто люди, а вполне обычные и нормальные с виду, даже дети играли, правда чуть поодаль, да еще и под присмотром компании из трех мужиков в стетсоновских шляпах и с винтовками в руках, которые пристроились, как уже стало принято, в кузове грузовика, под тентом от солнца.

Хоть это и называют здесь городками, на городок местечко никак не тянет – деревня и в Аризоне деревня, как ее ни назови. В таких населенных пунктах по несколько сот жителей живет, тысячи обычно не набирается – как это городом называть? А вообще места здесь мормонские, если дальше проехать, то между Венденом и Саломе наткнешься на Сентенниал Парк – чуть ли не главную молельню мормонов в Америке, основанную еще в конце девятнадцатого века. Там и религиозные школы для детей, и проповедники завывают про «Иисус нас любит», и так далее. А при этом парке еще и община проживает – вроде сверхрелигиозной секты среди самих мормонов, – у них там и многоженство, и все прочие радости. Весело, в общем.

– Попробуем пообщаться? – спросил я у Дрики, скидывая скорость.

– Не знаю, – ответила она. – Давай.

Фургон плавно остановился у обочины, слегка скрипнув тормозами. Наступила тишина, нарушаемая тихими щелчками горячего двигателя.

– Посиди здесь, – сказал я Дрике, выбираясь из кабины.

– Может, я пока за руль? – спросила она. – Заодно и подменю.

– Давай.

Ни карабина, ни ружья я решил не брать, демонстрируя дружелюбие. Достаточно было и пистолета в кобуре. Направился я к мужикам в кузове,

глядящим на меня спокойно и немного настороженно. Все средних лет, упитанные, задастые, пузатые и мордатые, в шляпах и темных очках. Винтовки у всех болтовые, с оптикой – разумно: если какая тварь и появится здесь, то видно ее будет издалека.

Пока к ним шел, из-за машины вышла еще и тетка, безоружная, правда, но в толщину так даже и посолидней. И лицо как у мужика – любителя пива.

На мое приветствие ответили сдержанно, никакого дружелюбия не проявляя, равно как и враждебности. Просто в глазах читалась мысль: «Иди куда шел». Точно, мормоны.

– Мы с дочерью проездом, – сказал я, сразу отменяя возможные подозрения этих слуг Господа. Теперь они меня, как грешника из остального, не мормонского мира, могли разве что в инцесте обвинить.

– Какие-то проблемы? – спросила женщина, задумчиво пожевав губами.

– Нет, – ответил я, повернувшись к ней. – Нам просто ехать далеко, вот и хотел спросить – что дальше на дороге происходит?

– До Вендена все спокойно, – ответила она. – А что дальше – мы не знаем, никто из нас туда не ездит. А вы далеко?

– В Техас. В Порт-Артур, – решил не врать я, а если врать, то не на каждом слове. – Там наша семья.

В глазах женщины промелькнуло нечто, напоминающее оттенок сочувствия. Она спросила:

– День Гнева Божьего вас разделил?

Я чуть сбился на непривычном термине, но сразу сообразил, что так они называют день прихода Большого Песца. Мы-то все так, по индейски-тотемному это кличем, а они во как, по-христиански.

– Верно. Мы оказались в Юме, а остальные – там.

- Они живы? - на мой взгляд, бесцеремонно спросила она.

- Были живы, пока была связь. Они с родственниками, в крепком месте, у них есть оружие и еда.

- Помоги им Всевышний, - совершенно машинально сказала женщина. - Долгий путь.

- Долгий, - согласился я, умалчивая, насколько он на самом деле долгий. - Вот и стараемся ехать аккуратней.

- Были бы рады помочь, но наши братья не ездят дальше Вендена по шестидесятому шоссе, - повторилась она. - В Агиле уже грешные живут, там прошлась Десница Его, подняв мертвых и отправив их карать живых. Что сейчас в тех местах - я не знаю. Проезжайте осторожно.

- А банд в ваших краях не было?

- К нам никто не суется, - пожала она толстыми плечами. - Здесь не бывает чужих, и по шестидесятой дороге посторонние не ездят. До Вендена точно банд не будет.

Это верно. Есть федеральное восьмое шоссе, все проезжие стараются кататься по нему, новому и широкому, а шестидесятое - потрепанная двухполоска, сюда мало кто суется. Да и чего соваться? Местные мормоны даже не совсем мормоны, а ортодоксы, они даже своих братьев по вере полагают грешниками, что уж говорить о всех остальных? Тем более что религиозность у мормонов всегда удачно сочеталась с любовью ко Второй поправке[1 - Вторая поправка к Конституции США закрепляет право на свободное владение оружием гражданами страны (по факту - резидентами штатов, что немного другое).], то есть право владения оружием они поддерживали всегда. Оно помогало им отстаивать духовные ценности. Хотя... была бы в России такая поправка - я бы ее тоже поддерживал. Всеми руками. И ничего религиозного.

- Спасибо, - поблагодарил я. - Удачи вам.

– Храни вас Господь, – сказала тетка и неожиданно спросила вдогонку: – У вас есть еда или другие припасы? Если нуждаетесь, то мы можем помочь.

– Спасибо, но мы хорошо запаслись в дорогу, – ответил я.

Мужики в кузове за время разговора так рта и не раскрыли, только внимательно слушали весь разговор, не проявляя ровно никаких эмоций. Как телевизор смотрели. Когда я пошел обратно к фургону, то спинным мозгом чувствовал взгляды, упертые мне в спину. Не злые, не враждебные, а Праведные. По крайней мере, те, кто глядел, в этом были уверены на сто процентов.

– Сиди за рулем пока, – сказал я Дрике. – Говорят, что до Агилы точно никаких приключений не ожидается. Тут мормонские края, у них все под контролем.

– Мормоны? – чуть удивилась она. – А я думала, что они все в Юте.

– Ну до Юты отсюда рукой подать, собственно говоря, – ответил я, усаживаясь справа и вытаскивая из крепления карабин, – так что мормонов здесь хватает. К тому же в Юте живут мормоны все больше обычные, каких большинство, а сюда перебрались «верные из верных», для которых те мормоны – грешники.

– А как насчет многоженства?

– Процветает, – ответил я. – Как раз в этих краях.

– Все мужчины?

– Нет, кажется, на всех жен не напасешься. Но многие.

Фургон вновь набрал свою не слишком большую скорость и продолжил процесс наматывания серой асфальтовой ленты шоссе на колеса. Опять с обеих сторон потянулась пустыня, уже утомляющая своей серо-желтой однообразностью.

– А что за Агила? – спросила Дрика чуть позже.

– Граница мормонских владений. Они туда ездят редко. А вообще, насколько я помню, даже не городок, а что-то вроде компактного собрания кучек ферм.

Справа от дороги будет сам городок, а слева – поля.

– И что выращивают?

– Дыни, кажется. Любишь?

– Очень, – кивнула она. – А ты?

– Терпеть не могу, если честно. С детства.

– А почему? – удивилась Дрика. – Вкусно же.

– Кому как, – пожал я плечами. – Ты от дороги не отвлекайся.

Несмотря на утверждения мормонов о том, что злодеи на этом отрезке пути не водятся, я все еще находился под впечатлением от зрелища расстрелянного вдрызг «шевроле». Кто-то же это сделал, и совсем отсюда недалеко.

Два следующих мормонских городка мы проехали спокойно, хотя на восточном выезде из Вендена было некое укрепление из бетонных блоков, в котором мы видели людей в шляпах и бейсболках. А дальше снова потянулась унылая пустыня, и так километров на тридцать, не меньше. Опять ехали молча, лишь рация, воткнутая в держатель на панели, ловила время от времени чьи-то непонятные переговоры, да навигатор женским голосом извещал, сколько осталось до следующего поворота. Пока до него было далеко, дорога тянулась прямая, как струна, разрезая пыльное тело пустыни.

Агила показался из песков неожиданно, ровно в тот момент, как навигатор блыкнул сигналом о том, что мы проехали двести пятьдесят километров, – я настроил его на метрическую систему, потому что местные майлы так и не научился воспринимать нормально: всегда их мысленно в километры пересчитывал. Показался сборный домик с небольшим крыльцом, за ним еще один, с навесом и стенами, облицованными декоративными панелями под дикий камень. Под навесом две колонки – это заправка, на стене которой огромная надпись красной краской: «Бензина нет! В магазине ничего нет! Проезжайте мимо, если не хотите поймать пулю! Община Агила». Просто, ясно и конкретно. Наверное, к такой неделикатности и повод какой-то был – не просто же

фермерская природная агрессивность к такому привела.

Никто на главной улице нам не встретился, но люди в Агиле были, мы даже их видели издалека. Именно люди – не бродячие мертвяки. Если Десница Его с карательными целями там и прошлась, то, видать, не сильно, в щадящем режиме. Мне вспомнилась какая-то история, о которой я прочел в газете, связанная с тяжбой между местными мормонами и живущими по соседству методистами за некую землю как раз на границе их областей. Судя по всему, упорство местного пастыря в попытках приобрести участок, на котором он планировал устраивать большие моления под открытым небом, и составило главный смертный грех выращивателей дынь-канатлупок в глазах убежденных святых многоженцев, которые тоже хотели молиться на этом месте.

В общем, Агила ничем не привлекла нашего внимания, даже дынь на местных бахчах надо было еще несколько месяцев ждать. Ну и на нас никто внимания не обратил – проехали себе и проехали. А нам тоже ничего там не нужно было – идем точно по графику, почти что минута в минуту, мотор как часы работает, тихо вокруг и безлюдно, до ночлега еще далеко. А вообще – так бы до самого Порт-Артура катить, только сомнительно, что получится.

По ходу дела пейзаж начал меняться. Появились кактусы, те самые, знакомые всем по картинкам, – возле Юмы их не было почему-то. Самого меня в эти края не заносило, но когда я маршрут готовил, то почти каждую точку на карте изучил.

– Что это? – спросила Дрика, когда слева от дороги появились белые длинные ангары.

– Аэродром Викенбурга, – ответил я. – Младший брат Юмы, если можно так выразиться.

– Почему?

– Тоже дитя золотой лихорадки. Город Юма возник на большой реке Колорадо и вырос больше, а Викенбург появился на маленькой реке Хассаямпа и стал поменьше. Но золота раньше здесь мыли много.

– А что за название такое странное?

– По имени одного австрийца, который намыл золота на тридцать миллионов. Он построил Шахту Стервятников, это вроде как часть местной истории теперь.

– А чем она знаменита?

– Как чем? – удивился я наивному вопросу. – Из нее добыли тридцать миллионов. История-то американская, вполне достаточно для того, чтобы открыть паломничество. Из-за этой шахты и город возник. Еще здесь была Викенбургская резня, когда пятнадцать индейцев убили шестерых переселенцев. Потом генерал Крук загнал местное племя в резервацию, убив полторы сотни индейцев, но это резней не считали.

– А что дальше было? – заинтересовалась Дрика.

– А ничего. Потом индейцы казино открыли в резервации и собирают чеки от правительства за то, что они аборигены.

– А сейчас тут что делают?

– Туристов принимают, – ответил я и добавил: – Принимали. Которые ехали посмотреть шахту, где было тридцать миллионов. А еще здесь играют в гольф. А еще здесь была самая знаменитая бейсбольная команда, которая не выиграла ни одной игры. Вообще, за всю свою историю.

– Здорово! – поразилась Дрика.

– Я тоже так думаю, – согласился я с нею. – И давай помедленней, хочу на аэропорт повнимательней глянуть.

На серьезный аэродром это было похоже мало. Полоса капитальная, бетонная, способная принять, наверное, любой «Джамбо Джет», но вот все остальное... трейлеры, мобильные домики, сборные ангары и прочее в таком духе – временки. Хорошо с этим в Аризоне, где не надо бояться ни дождя, ни холода.

Зато люди здесь были, и был проволочный забор вокруг поля. И еще на поле стояли поодаль несколько легких самолетов, у которых возились. Мне даже завидно стало... будь у меня такой, к вечеру на месте бы были. Впрочем, я уже

это сам с собой обсуждал и выбрал фургон, так что жалеть нечего. А вот затем мое внимание привлек большой самодельный плакат, бросающийся в глаза: «В городе живые мертвецы!»

- Внимание!

Объездов здесь нет, придется ехать через весь город, и если там мертвяки... В Юме я по таким местам уже покатался.

- Запоминай! - начал я быстро инструктировать своего неопытного водителя. - Скорость в городе не больше тридцати миль в час. Мертвяков, если попадутся, не таранишь, а стараешься объезжать, если при этом не нужно резко дергать машину. Не получается объехать - тогда тарань. Понятно?

- Поняла, - кивнула она.

- Тогда спокойно, уверенно, я рядом, оружия у нас много, машина крепкая, стекла в решетках, спереди защита. Просто едем себе спокойно и ничего не боимся.

Первые же домики, которые мы увидели с дороги, внушали уважение - все как в неплохом районе той же Юмы. Или как в Койотовой Купальне, где я прожил целый год.

- Притормози, - попросил я.

Дрика послушно сдала к обочине, словно кто-то мог в нас врезаться в этом пустынном месте, и остановила машину.

- Заглуши мотор, послушаем.

Распахнув дверь, выбрался наружу, подхватив «зиг» из кабины. Огляделся. Скрытно к нам не подберешься, до ближайших домов метров двести, а вот если в бинокль...

Белые стены домов резко приблизились ко мне, и первое, что я увидел, это стаю дохлых собак, лежащих в тени дома. Ага... не врал плакат. Затем в поле зрения

попался лежащий на земле мертвец, тоже в тени, но явно вполне дееспособный, иначе его бы уже собаки жрали. Еще один, тупо стоящий посреди улицы и, кажется, здорово подсушенный солнцем. Но для первого впечатления достаточно – если на окраине мертвяков хватает, то и в центре их должно быть много. Как так вышло? Город ведь маленький, отбить его поначалу наверняка нетрудно было, тут же у всех оружие есть.

– Поехали дальше, – сказал, усевшись на высокое пассажирское кресло.

Фургон вновь плавно тронулся с места, поехал дальше. Мы молчали, накатила какая-то безотчетная тревога – непонятно почему: вроде уже привыкнуть ко всему такому давно пора, да вот не привыкается.

Примета времени и новых проблем – много сгоревших домов. Горело не хуже, чем в Юме. Живых людей после аэродрома нигде не видать, да и там их не так чтобы много. Кстати, основной городской аэропорт остался правее, его с дороги так просто не разглядеть. Интересно, что там делается?

А вот слева виллы потянулись – как в Скоттсдейле. Может, и преувеличиваю, но очень серьезные. Каждая не меньше чем на акре земли, бассейны, архитектурные изыски... И ни одного целого окна, насколько мне видно в бинокль, хоть и пологая насыпь вдоль асфальта мешает смотреть. И следы от пуль на многих стенах. Некоторые дома выгорели изнутри. Обугленный остов БМВ на подъездной дорожке. Клуб-хаус гольф-клуба, выгоревший и расстрелянный, клуба, раскинувшегося своими восемнадцатью лунками поодаль, где недавно еще зеленая трава уже выгорела и превратилась в желтую и пыльную в отсутствие постоянного полива. Опять мертвяки возле него – навелись на нас, кстати, но просто смотрят, стоят.

А не прошлись ли тут какие-нибудь «трейлерщики», кстати? Как-то смахивает по стилю. Тут сплошные виллы и «холидэй хоумз»[2 - «Холидэй хоумз» (Holiday homes) – недвижимость в курортных зонах, используемая хозяевами во время отпуска. В остальное время чаще всего предлагается в аренду.], полные всяких благ и ништяков, для местной голытьбы ранее недоступных. Или что тут за война была? Не верится мне, что так активно отбивались от мертвяков, – так только люди с людьми умеют, боекомплекта не жалея. И это мы еще в центр города не въехали. А что там делается, интересно?

Виллы слева, ряды бунгало справа, еще мертвяки, опять стая дохлых собак. Мертвая земля, совсем мертвая, съеденная мертвечиной. Совсем маленький ребенок без одной руки, гнилой и покрытый спекшейся кровью с головы до пят, стоящий на самой обочине. Собаки... среди них множество шавок «карманного формата» – всякие болонки с чихуа-хуа, которых местные обитательницы таскали в сумочках и за которыми подбирали с тротуаров дерьмо в пластиковые пакетики.

У обочины на простреленных колесах мини-вэн «Додж Караван», на его крыше – огромный полосатый кот, держащий в зубах птицу, абсолютно живой, не спутаешь никаким образом, уставившийся на наш фургон желтыми пронзительными глазами.

– Стой, подожди минутку, – попросил я.

Дрика опять послушно остановила фургон, я вновь распахнул дверь и выбрался наружу.

– Кис-кис-кис.

Кот посмотрел мне в глаза, ничего не предпринимая и не говоря в ответ. Говорить ему мешала птица в зубах. С оторванной башкой, кстати. Умный кот? Специально так сделал, чтобы не обратилась? Кстати, а я не видел птиц-зомби пока. Бывают вообще такие? Или я просто не заострял внимания – не до них было?

– Слышь, харя, – обратился я к нему уже не так вежливо. – Ты как тут один живой остался? За счет природной хитрости и ловкости?

Кот продолжал смотреть мне в глаза, потом неожиданно спрыгнул на асфальт, пружинисто собравшись в подобие полосатого мяча, как они умеют, затем ловко развернулся в некую арочную конструкцию с выгнутой спиной и задранном хвостом, тиранулся мне об ногу, тяжело упираясь лбом, а затем неожиданно проявил доброту и предложил мне свою птицу, положив перед ногами.

– Во спасибо, – поразился я. – Меня Андрей зовут. Тушняк будешь?

В ответ кошан издал длинную, но невнятную мурчаще-мявчащую руладу и опять прошелся вдоль ног, притираясь мохнатым боком. Затем вдруг задумался, потом заметно насторожился, припал к земле и зашипел, глядя куда-то под машину. Игнорировать его эмоций я не стал, мысленно отметив, что Дрика забыла головой по сторонам вертеть и с глупым умилением смотрит на зверюгу, и, перехватив карабин поудобней, шагнул в сторону, выглянув из-за фургона.

Собаки. Штук пять. Но они были далеко, метрах в пятидесяти, и даже пока не бежали в нашу сторону – так, стояли просто. Две большие и три мелкие. А вот до этого их там не было. А значит... значит, только что пришли, а кот их почуял. И за счет такого вот чутья он и выживает, наверное. Какой толковый и полезный кот.

Я показал Дрике свою ладонь, демонстрируя ей некий жест, в котором легко угадывался подзатыльник, и показал, куда надо смотреть. Она спохватилась, повернула голову и аж подпрыгнула. А я обернулся к коту, теперь уже утробно и угрожающе тянущего длинное угрожающее «мяу» на мертвых собак, и спросил:

– Слышь, Вась, или как там тебя... Я про тушняк не шутил, но тут жрать некогда. С нами поедешь?

Кот опять ничего не ответил, и тогда я решил намекнуть еще прозрачней – похлопал по сиденью моего кресла. И к удивлению моему, тот все понял – одним молниеносным прыжком заскочил на него, встал на задние лапы, опершись передними о приборную панель, и выглянул через окно. Собаки дернулись вперед немного, и я решил с ними не связываться. Подхватив кошана под теплое брюхо, одним движением перекинул его в широкий проход между сиденьями, на большую картонную коробку с консервами, сам уселся на свое законное место и сказал Дрике:

– Поехали. И прикрывать меня не забывай: чуть не проспала собак.

– Извини.

– Извини – мало, – решительно заявил я. – В наказание коту имя придумай.

– Тигр, – ни секунды не раздумывая, ответила она, выкручивая руль.

– Почему?

– Полосатый же. И грозный.

– А что? Нормально, – согласился я и обернулся к зверю: – Тигром будешь. Надо же тебя как-то звать? А то проблемы с общением будут. А я тебе уже представился. Ты извини, что птицу забыл, я оценил твою щедрость, но там собаки... сам понимаешь. А насчет тушняка я не наврал, но – позже, хорошо? А то в машине напакостим.

Кот вроде не возражал, вполне комфортно развалившись как раз на вместилище той самой пищи, которая была ему обещана в будущем. Охранял вроде как. И вид был такой, что он в этой машине жил с того самого дня, как она с завода вышла. Или он ее первый купил – до того, как я ее украл в аэропорту.

Дорога плавно вошла в массив мертвого города, разрубая его пополам. Изредка мы видели мертвецов, стояли брошенные машины, много было следов пожарищ и уже мало – стрельбы. Показалась слева закусочная «драйв-ин», возле которой на высоком флагштоке развевался звездно-полосатый флаг, словно напоминание, чтобы никто не перепутал – эти самые бургеры, от которых только ожирение с диабетом и никакой другой пользы, – чисто американские. Гордитесь, мол.

Затем справа появилось длинное одноэтажное здание компании «Форд», на стоянке которого сиротливо стояло несколько легковых машин, но не было ни единого внедорожника или пикапа: кто-то аккуратно проредил ассортимент торговца. Может, и сам торговец – на его месте я именно так бы и поступил. А вообще здесь пикапов больше, чем джипов, а джипов куда больше, чем легковушек. Легковые покупают или совсем простенькие, за дешевизну, и обычно немолодые, или, наоборот, вроде «мерседесов», на каких любит выпендриться публика вроде жителей Скоттсдейла, который нам вскоре предстоит проехать. А так все пикапы и пикапы, белого цвета все больше, из-за жары. Пустыня.

Сразу же за «фордами» показалась стоянка «доджей», на которой уцелело несколько машин, только в плохой кондиции – горелые или разукомплектованные. Тут какая-то драка опять случилась, потому что на песочного цвета задней стене автосалона было множество отметин от пуля.

Было напряжно и нервно – расслабиться все равно не получалось, хоть какой-то существенной угрозы для нас я не видел. Дорога ширины невероятной, да еще и с просторными обочинами: не заблокируешь. Людей нет, для мертвяков мы неуязвимы, и чего так нервничать?

Давил на сознание вид брошенного и погибшего города. То же самое ощущение, которое я испытал, проносясь через Юму на угнанном «мерседесе»: ощущение того, что хоть ты и в городе, построенном людьми, но уже не на людской территории. Смерть ее захватила и предъявила на нее свои права. А тебе на это и ответить нечем – остается только смириться.

Мотели с двух сторон добротные, с большими бассейнами – не для водителей грузовиков из тех, что держат обычно индийцы, где номера по сорок долларов, а простыни на кроватях хорошо если поменяют раз в неделю, – а вполне нормальные, для туристов. Магазины, затем замелькали частные дома.

– Что это? – вдруг спросила Дрика, дернувшись и указав рукой куда-то налево, в свой сектор наблюдения.

Я повернулся, но поначалу решил, что она указывает на двух мертвяков, сидящих под стеной в тени. Странно: тут таких хватает – не та картина, чтобы какое-то особое внимание привлекать. Но затем понял, что она имеет в виду, – прямо за густым кустарником, почти невидимая с дороги, расположилась какая-то длинная и гибкая тварь, медленнодвигающаяся на пружинисто согнутых ногах и почти вытирающая брюхом землю. Рассмотреть что-то еще, кроме странного, непривычного для человеческого глаза силуэта, было невозможно.

– Что это? – спросила девушка.

– На дорогу смотри, врежемся, – сказал я ей. – А вообще это... мутант, не знаю, как еще эту дрянь назвать.

– Это был человек?

– Не уверен. Могла быть собака, например, – ответил я и добавил: – Как мне кажется. Так, на бегу, и не узнаешь.

– Откуда они берутся?

Я попробовал изложить ту теорию, которую нам удалось для себя составить:

– Если мертвец добирается до трупов одного с ним вида, которые не восстанут, с простреленной головой например, то он отжирается в такое вот существо. Чем больше съест, тем страшнее, сильнее и опасней он станет.

– Ты их видел раньше?

– Дважды сталкивался. Один раз с Джеффом, а один раз сам. В обоих случаях чудом уцелел.

– Их много?

Голос напряженный. А я ее прекрасно понимаю – даже эта тварь, мельком увиденная, пугает очень здорово. Это из машины и проездом, считай, в полной безопасности.

– Нет, немного, – ответил я. – Совсем немного, к счастью.

Я подумал, что Дрика, несмотря на то что даже человека уже убить умудрилась, с мертвяками сталкивалась мало. Сначала пряталась от них в опустевшем доме своей дальней родственницы, к которой приехала в гости из Голландии и которая пропала бесследно в первый день Катастрофы, а потом встретила меня, и я сразу вывез ее за город, в наш лагерь в пустыне, куда ни один мертвяк не добирался. И там она с детьми нашего товарища по несчастью Паблито несла караульную службу.

Даже странно, что в такой момент кто-то сумел пройти мимо главного кошмара наших времен. Повезло, наверное. А вот застрелить человека, почти убившего меня, ей довелось. Спасла мне жизнь как раз в тот момент, когда я с ней прощаться уже начал. Боевое крещение для малолетней художницы получилось.

Вспомнив об этом, я потер ладонью шрам на голове, который отчаянно чесался, заживая. Как раз в этом месте впритирку к моему черепу прошла пуля из винтовки.

Мертвяки, мертвяки, мертвяки. Хоть не так уж и много, зато везде. Выйти из машины подышать или прогуляться, не хочется ни в одном месте. Хочется запереться покрепче, и не в «Шеви Экспресс», а во что-то вроде банковской бронемшины, и носа оттуда не высовывать. Зато совсем не хочется сломаться где-то в таком месте, поэтому сразу начинаешь ловить себя на том, что прислушиваешься, как работает мотор, не стучит ли подвеска, поглядываешь на датчик температуры и уровня топлива в баке. И успокаивает пока то, что все показатели в норме и никаких предпосылок к тому, что ты встанешь недвижимо посреди мертвого города, пока нет.

Хотя, по большому счету, мы и там способны отбиться. Достаточно посмотреть на потолок над головой, где на изготовленных Паблито обрезиненных крючьях висят карабины и дробовики, целый арсенал. А сразу за сиденьями – еще дополнительный запас снаряженных магазинов. Их у нас теперь немало, не все в разгрузки влезают. И на каждом еще по пистолету, а у меня еще и маленький револьвер «андеркавер» в скрытой кобуре внутри брючного кармана.

И как последний резерв нашей мобильности – в кузове фургона, прямо у нас за спиной, стоит, притянутый нейлоновым шнуром, мотоцикл-эндуро, синяя «ямаха» с шестисоткубовым двигателем, залитым доверху баком и даже запасной канистрой сзади. Не пропадем, сбежим откуда угодно. Я к этому отъезду месяц готовился непрерывно, каждую детальку, каждую мелочь пересмотрел и обдумал тысячекратно. Мне же нельзя провалиться, и второй попытки у меня тоже не будет. Я ведь еду домой, где меня ждут.

11 апреля, среда, утро. Округ Марикопа, Аризона, США

Так и ехали через пустыню, никого не встречая, оставляя за собой редкие крошечные городки. После замертвяченного Викенбурга мы проехали через полупустынный, но населенный живыми людьми Морристаун, а потом вновь потянулись бесконечные километры пустыни и пыльная лента асфальта, тянущаяся через них. Затем мы миновали «край полигонов» – участок все той же пустыни, где имела свои испытательные участки каждая компания, производящая автомобили, – от японской «Тойоты» до шведской «Вольво», не говоря уже об американских. Все здесь гоняли свои машины, проверяя

на «жароустойчивость», «пескоустойчивость» и черт знает что еще.

После Морристауна мы остановились, чтобы снова поменяться с Дрикой местами. Не то чтобы она устала – фургон был вполне комфортным, как любая американская машина, и медленно вести его по пустынной асфальтовой дороге было нетрудно, но, во-первых, не хотел давать никому из нас уставать вообще, а во-вторых, мы приближались к Финиксу, к главному и самому большому городу штата, о котором еще в начале Катастрофы говорили только плохое. И помногу. Миллионный город среди пустыни был захлестнут волной взбесившейся ожившей мертвечины в первые дни, тогда, когда даже Юма, несмотря на весь местный бардак, еще как-то держалась.

Остановились прямо посреди дороги, не опасаясь ни капли, что в нас кто-то врежется, посреди широкой и плоской пустыни, обсыпанной все теми же пучками сухой травы, успевшей уже надоесть до тоски, вышли из кабины, потягиваясь и разминая ноги. Впрочем, бдительности не теряя, с оружием на ремне, в полной готовности палить во все, что нам не понравится.

– Скоро можно будет бензина долить, – сказала Дрика, прыгая на месте и делая наклоны в обе стороны.

Датчик показывал еще половину бака, расход при таком темпе и режиме езды был ниже всякого минимального, но я заранее решил, что «до лампочки» точно доводить дело не буду. Мало ли что случится! А если придется от кого-то удирать, а бензина на дне будет? Поэтому для себя определил, что половина бака – отличный повод заправиться.

– Сейчас слева будет озеро Плизэнт, попробуем свернуть туда, – сказал я, тоже приплясывая и разминая занемевшие ноги. – Хочу оглядеться, соответственно там и заправимся.

– Оглядеться? – удивилась она. – А зачем?

– Там водохранилище, из которого Финикс водой питался. И электростанция есть небольшая. Поэтому люди могли туда заселиться, как в Юме.

– И что? – не поняла она. – Люди много где есть.

– Много где, верно, – согласился я с ней. – Но там были маленькие городки, где чужих и в лучшие времена не слишком жаловали, а у озера если кто и заселился, то те, кто сбежал из Финикса.

– Не пойму, а что это нам дает? – чуть нахмурилась она.

– Впереди – Финикс, – показал я рукой дальше. – Дорога идет по его окраинам, объехать по большому кругу весь город не получается. Если что-то пойдет неправильно, неплохо иметь место, куда можно отступить. А если отступим, то где-то и ночевать надо. Если там люди организовались, то можно найти безопасный ночлег.

– А если там плохие люди? – задала она вполне резонный вопрос, продолжая хмуриться.

Моя идея пока ее явно не восхищала, что после нашего последнего совместного приключения можно было считать совершенно простительным.

– Не думаю, – ответил я. – Полагаю, что «модель заселения» этого места была такой же, как и в Юме. Туда должны были съехаться те, кто думает о будущем, а чаще всего этим отличаются нормальные люди. Обитатели трейлерных парков искали бы другие места, здесь тоже была национальная гвардия, а они хоть и обычные обыватели в камуфляже, но оружие им раздают не игрушечное.

– Думаешь? – с оттенком сомнения переспросила девушка, но затем кивнула: – Ты прав, наверное. Может быть, здесь заправимся? А туда уже с полным баком заедем?

– Все равно надо сначала с дороги съехать. А то так никого, а как все свое хозяйство заправочное развернем, кто-то и появится. Кто-то совсем ненужный. Ладно, поехали.

Однако специально куда-то сворачивать не пришлось. У первого же поворота оказался указатель со стрелкой и надписью: «Региональный парк Лэйк-Плизэнт». Куда я, собственно говоря, и собирался. Судьба.

– Теперь повнимательней, – сказал я, вглядываясь вперед.

Дорога, слегка петляя, увела нас на пару километров в сторону от шоссе, и затем мы уткнулись в арку с надписью, извещавшей, что это и есть главный вход в региональный парк. И возле арки было совсем небольшое укрытие из мешков с песком, накрытое сверху матерчатым тентом, в котором стоял маленький «матт» со старым пулеметом М60 на турели, а на самих мешках сидели, свесив ноги в обрезанных камуфляжных штанах, трое молодых парней, голых по пояс и в бейсбольных кепочках на головах. Набитые разгрузки были надеты прямо на голое тело, и каждый из них держал в руках военную М-16.

Кроме парней возле мешков лежала на песке крупная немецкая овчарка, опустившая уши и вывалившая длинный розовый язык на такой жаре.

При виде нашего фургона они насторожились, один из них, красный от загара, забрался в «матт» за пулемет, еще один присел за мешки, положив на них винтовку с оптическим прицелом, при этом еще и загнав собаку в укрытие. Третий, смуглый парень мексиканской наружности, прятаться не стал, а, наоборот, выступил вперед, поднимая руку и жестом приказывая остановиться. Что мы и сделали, причем классически, как для полиции, – я даже руки с рулевого колеса не убирал. Не знаю почему, но я сразу заключил – парни на бандитов непохожи. Бандиты в Америке любят внешние проявления своей крутости, так что шпана сразу идентифицируется, а эти выглядели самыми обычными местными.

– Привет, – сказал я, глядя на мексиканца через зарешеченное окно.

Он держал автомат на сгибе руки, никакой агрессии не демонстрируя. Заглянул внутрь через окно, брови его чуть поднялись при виде девушки, затем он отметил наличие многочисленного оружия и слегка усмехнулся при виде таращащегося на него кота. После этого он ответил на приветствие и спросил:

– Куда направляетесь?

– Дальше, мимо Финикса, – ответил я. – Хочу обстановку уточнить, что нас дальше ждет, и, может быть, найти место для безопасного ночлега.

– Здесь хотите ночевать? – уточнил он, кивнув в сторону озера.

– Если это никому не мешает. И если вы расскажете в двух словах, что здесь за народ.

– Мы – община Плизэнт-Лэйк, – ответил он. – Все из Финикса, разные люди. Но не бандиты, если вы спрашиваете об этом.

– Именно об этом, – кивнул я. – А как вообще с возможностями для ночлега?

– Думаю, что нормально, если у вас есть палатка или вы спите в машине, – ответил тот. – Отелей здесь не было, только трейлерная стоянка, а прицепы все заняты. Есть что-то вроде общего дома в бывшем развлекательном центре «Пустыня», но там в основном детей собрали. А так место охраняется, так что проблем не будет, как я думаю. Мы даже в общину нормальных людей еще принимаем.

– А к кому и где обращаться?

– Если решитесь, то езжайте по дороге вдоль озера. Увидите плотину Нью-Уэдделл, там будет укрепленный пост. Они и направят, куда надо.

Понятно, а эти трое здесь за передовой дозор. Стрельнуть заблудившегося мертвяка – вон два трупа валяются поодаль – или вовремя смыться на «матте», если появится серьезный противник, предупредив при этом своих. А собака еще и не дает проспать приближение опасности.

– А что ближе к городу? – спросил я.

– А как вы думаете? – усмехнулся тот. – В городе мистер Сатана открыл филиал своей компании «Ад Инкорпорэйтэд», делегировав местному представительству все права материнской компании. Надо развернуть тезис шире?

– Если только немножко, – усмехнулся я в ответ. – Не возражаете, если я выйду из машины?

– Если не будете сразу стрелять, а кот не будет провоцировать Рекса на драку, то выходите, нет проблем.

Я скопил глаза на развалившегося на картонной коробке Тигра и сказал:

– А оно ему надо? В машине кондиционер, а здесь жарко.

С этими словами я выбрался, ступив ногами на раскаленный асфальт, даже через ботинки ощутив, какой он горячий. Дрика тоже выбралась, обойдя фургон и встав возле меня. Мексиканец скопил на нее глаза, думая, что я этого не замечу через черные очки, но обратился все же ко мне:

– Так что вы точно хотели узнать?

– Мы собираемся объехать Финикс с севера. Обогнуть по кругу до восьмидесят седьмого шоссе. Хотели узнать, насколько это безопасно.

Парень усмехнулся. Затем сказал:

– Это чертовски небезопасно. Дорога идет через пустыню до стрельбища Бена Эйвери. Знаете такое?

– Нет, я здесь редко бывал, – ответил я.

– Самое большое стрельбище в этой долбаной стране, а его управляющий, Уилл Браун, как раз возглавил нашу общину, – пояснил парень, – но рядом со стрельбищем находится федеральная тюрьма Блэк Кэньон. Слышали про такую? Нет? – Он указал куда-то вдаль пальцем. – Учреждение со средним режимом, то есть куда большинство уголовников сажают.

– И?

– Когда все началось, туда подскочила целая банда и сумела ворваться внутрь, сметая охрану, которой к тому времени оставалось совсем немного. А еще эти ребята здорово разжились оружием – кто-то помог им захватить арсенал национальной гвардии.

– И что там сейчас?

– Они заняли и саму тюрьму, и строения стрельбища, и самое главное – они захватили Норт-Гэйтуэй, перевалочную грузовую базу. Там много топлива, грузовики и самое главное – канал. У них есть вода.

– Вода идет от вас? – спросила вдруг Дрика.

– От нас, – кивнул парень. – Но перекрыть мы ее не можем, иначе плотину снесет. В канал идет водосброс. Разве что отравить... – С этими словами он усмехнулся.

Признаться, парень меня озадачил. Описываемое место я сразу нашел на карте, которую извлек из кабины и развернул. А он мне еще и пальцем потыкал в упомянутые пункты. Выходило по всему, что если бы мы ехали по семьдесят четвертому шоссе, то вынуждены были бы ехать прямо вдоль забора стрельбища. А с другой стороны была бы эта самая перевалочная грузовая станция. Подарок просто.

– А другие пути в объезд есть?

– Вы можете вернуться на шоссе, проехать около трех миль, до мостика через канал. – Он показал рукой направление. – И сразу после него, примерно через пятьсот ярдов, будет поворот налево, в пустыню. Там две дороги – широкая и разъезженная, по ней тяжелая техника с плотины катается, и вторая – обычный проселок. Если поедете по нему прямо, никуда не сворачивая, то миль через пятнадцать попадете в район Нью-Ривер, прямо к шоссе.

– И как там?

– Там владения зомби и нет ничего такого, за чем бы туда часто катались бандиты, – пояснил парень. – Но все же оружие далеко не уберите и будьте готовы давить на газ изо всех сил. А вот дальше вам придется возвращаться на шоссе через Антем, а там одни мертвецы.

– Полезный совет, – хмыкнул я.

– Даже если мы пропустим вас через свою территорию, вам все равно придется выбираться по этой дороге, – добавил он. – Но вы задержитесь еще на двух

блоках. Если поедете напрямую, то наверняка налетите на бандитов, ставлю десять к одному. А на перекрестке за стрельбищем у них нечто вроде блока теперь. Если же решите вернуться... – тут его глаза опять соскочили на Дрику, – ...то мы будем рады вас прикрыть. Или оставайтесь у нас, а с утра езжайте дальше.

Предложение было соблазнительным, но взгляд на часы сразу же приговорил его к отказу – впереди был еще немалый кусок светлого времени, и проехать за оставшееся время можно было немало. Остановившись на ночлег я планировал уже после Финикса. Как раз чуть больше пяти сотен километров от старта проедем – та самая норма, которую мы для себя определили как минимальную. Можно и больше, конечно, но затем придется терять время на поиски безопасного места для ночлега, и делать это в темноте совсем не хочется: не те времена теперь.

Крюк, который придется делать через жилые районы Антема, – та еще радость, но если выбирать между мертвяками и обитателями федеральной тюрьмы, то мертвяки выглядят куда симпатичней. По крайней мере, они не захватывали арсенала национальной гвардии.

– Спасибо за предложение, – сказал я мексиканцу. – Мы все же попытаемся проехать. Не сегодня, так завтра, но лезть в это место придется. Лучше уж сегодня.

– Как хотите, – пожал он плечами. – Но нормальным людям с оружием мы рады. Приезжайте, если что.

– Не возражаете, если мы здесь заправим фургон? – спросил я о главном.

– Заправитесь? – не понял сначала парень, но потом сообразил, о чем идет речь. – Нет проблем, мы вас прикроем. Девушка может пока поболтать с нами.

– Девушка пока потренируется прикрывать, – усмехнувшись, решительно отрезал я.

– Тогда я ей помогу, – засмеялся он. – Вы не возражаете?

Вопрос был адресован уже Дрике, которая улыбнулась тому в ответ. Парень действительно был приятный – из тех, к кому сразу чувствуешь расположение. Да и мне проще.

На самом деле получилось еще проще, потому что на помощь пришел его приятель, тот, что сидел с собакой в укрытии. Вдвоем мы быстро перекачали дозу остро пахнущего на жаре парящего бензина в бак, под самую пробку, после чего я с грохотом захлопнул заднюю дверь фургона и довольно бесцеремонно предложил Дрике прекращать светскую беседу. И через минуту я погнал фургон обратно к шоссе.

Парень из дозора не обманул. Дорога до канала была сжата с обеих сторон насыпями, оставившими после известных событий до крайности неприятные воспоминания, но ничего не случилось. Примерно через пять километров мы перемахнули мост через канал, широкий и полноводный, и вскоре увидели развилку. Серое полотно шоссе плавно сворачивало направо, в сторону каких-то ангаров в пустыне, а прямо тянулась относительно хорошо накатанная грунтовка. На нее мы и свернули, мгновенно заполучив могучий пыльный хвост.

Грунтовка оказалась почти не тряской, но довольно скользкой – все же песок под колесами. Она лихо провела нас через заросли сухого кустарника, затем обогнула какой-то заброшенный хоздвор и потащила в пустыню, широко раскинувшуюся перед нами. Я скинул скорость километров до пятидесяти в час, опасаясь угодить в какую-нибудь колдобину или яму. По ходу дела мы спугнули довольно облезлого, но вполне живого койота, который потрусил от нас в сторону, время от времени оглядываясь, но без явного испуга. Вскоре его скрыл кустарник, росший в этом месте намного гуще.

Похоже, что звери уже почувствовали, что человек отступил, отдав ту землю, которой владел раньше, кому-то другому. И сами начали осваивать освободившиеся пространства. Интересно, доживет ли Америка снова до великих стад бизонов или уже нет?

Вскоре слева, в изрядном отдалении, показался туристический трейлерный парк, на полпути к которому мы заметили четырех человек верхом, в стетсоновских шляпах и с винтовками. Наверняка патруль из этой самой общины Плизэнт-Лэйк. А как правильно придумали, чтобы бензин не жечь и дороги не выбирать... Хотя для Аризоны было бы даже странно, чтобы до такого не додумались. Лошадей здесь и сейчас выращивают, и верхом ездить умеют очень многие местные.

Дикий Запад, чего же вы хотите.

Я даже разглядел, что один из всадников что-то говорит в рацию, – подозреваю, сообщает о наших перемещениях. Но это не страшно: мы даже с виду им ничем не угрожаем – едем себе мимо и уже удаляемся.

Вскоре я обратил внимание на то, что параллельно с нашей грунтовкой, всего лишь в полукилометре правее, тянется хоть и узкая, но вполне приличная асфальтовая дорога, доехать до которой большого труда не составит даже просто по песку. А вскоре и поворотик в ту сторону наметился, куда я не замедлил свернуть. Все же в тяжелогруженном фургоне ездить по трясучему проселку не хочется, бережешь подвеску и груз.

Свернул. Дорога только издалека выглядела асфальтовой, а на поверку оказалась все той же грунтовкой, разве что получше укатанной. И то хлеб. И вскоре она вывела нас на строительную площадку, выровненную и размеченную под строительство очередного «сабёрба» – пригородной застройки из близко стоящих больших домов на небольших участках, где никто не скупится при строительстве на жилую площадь и где будут жить средней руки адвокаты или специалисты-хайтековцы – самое для них место.

Впрочем, пока на этой площадке конь не валялся, а вот возле нее были собраны в кучу металлические контейнеры, причем некоторые из них были закрыты на замки. Так нельзя – это как табличку написать и вывесить: «Взломай замки к чертовой матери и загляни – может, там что нужное». Я даже притормозил, задумавшись.

С другой стороны, что может быть нужное на стройке, да еще на начальном этапе, из того, что можно запереть в контейнере? Какая-нибудь циркулярная пила для местных деревянных каркасов? Она мне зачем? Горючки в канистрах, патронов, военной амуниции там быть не может, а терять время для того, чтобы найти новый гвоздодер или даже строительный пистолет, как-то неохота. Дальше поехали!

Дорога за строительной площадкой выглядела похуже, чем до нее, зато еще одна накатанная грунтовка вела к Антему, пригороду Финикса, от которого, впрочем, до самого города было не близко. Я прикинул расстояния и пришел к выводу, что от федеральной тюрьмы мы забрались достаточно далеко, так что

риск наткнуться на бандитов не слишком велик, в любом случае – ничуть не выше и не ниже, чем в пяти километрах северней, там, где мы должны будем выбраться на шоссе. А вероятность встретить большую толпу мертвяков в пригороде, застроенном все больше большими частными домами, тоже невелика – тут и людей столько никогда не было, чтобы толпу собрать. Нагнувшись к навигатору, я повозил пальцем по экранчику, перемотав на карту Антема, и обнаружил, что проездов там много, и все сквозные, так что, случись какой затор, всегда найдем путь в объезд.

– Туда поехали, – сказал я. – Не расслабляемся: должны быть мертвецы.

Дрика лишь кивнула, закусив нижнюю губу. Это хорошо: сосредоточилась. Я на всякий случай опустил боковое стекло и откинул клапан на кобуре с «Зиг-Зауэром П220», что примостилась на разгрузке, – тем самым, что я взял с тела толстяка Тима, решившего с приятелями убить нас всех. Но убившего лишь одного из нас – хорошего человека Джеффа. За Джеффа мы отомстили – помер и Тим, и его толстяк-папаша по имени Марк, и еще двое каких-то безымянных скотов, которые решили помочь дружкам разобраться с нами. И одному из них вlepила в лоб пулю из винтовки Дрика, тем самым «открыв личный счет». И этим она меня убедила, что ее можно все же брать в дальнюю дорогу, – до этого были сомнения. Тогда она не убежала, хоть такая возможность и была и хоть я ее гнал, чтобы спасти ей жизнь, а заняла позицию чуть поодаль нашей свалки, пристроилась со «штайром» – и пальнула.

Чуть взыв мотором и буксанув на пыли, фургон перевалился через бугристую обочину и выкатился на новенький, идеально ровный асфальт, которым была вымощена совсем недавно выстроенная улица. По окнам видно, что даже все дома здесь распродать еще не успели, даром что место было популярное.

На подъездной дорожке одного из домов стоял ярко-красный «Додж Караван», возле которого, не удержавшись, я притормозил, настороженно оглядываясь. Попробовать слить бензин? Машина выглядит брошенной, вся пылью покрыта – не думаю, что кто-то на нее рассчитывает как на средство спасения. И место выглядит тихим, ни души. Особой нужды нет вроде как, но надо для начала убедиться, что я сумею это сделать тогда, когда понадобится. К тому же надо опробовать в деле инструмент, изготовленный специально для таких okazji.

– Сливаю бензин, – сказал я, – прикрывай меня. Особое внимание – проходам между домами, головой верти во все стороны.

– Может, не надо? – чуть жалобно протянула Дрика. – У нас же весь запас бензина цел, зачем этим заниматься?

– Боевая учеба, – отрезал я. – Еще вопросы? Если нет, то хватай винтовку и выметайся на улицу, потом обсудим.

В процессе обсуждения я успел сдать фургон задом к двери гаража, пристроившись параллельно брошенному мини-вэну. После чего схватил с потолка (удобно-то как! И все на выбор) дробовик «бенелли» и с ним выскочил наружу. Хлопнула дверь с противоположной стороны – Дрика вышла. А больше всего удивило, что одновременно со мной из кабины выскочил Тигр, но не убежал, как я поначалу испугался было, а с асфальта перескочил на покатый капот фургона и с него, в одно касание, махнул на крышу, где и пристроился.

– Подышать собрался? – поинтересовался я. – Ну-ну, давай.

Тем временем я подскочил к задним дверям, распахнул их и схватил приготовленный специально для таких случаев инструмент – стальную трубу диаметром сантиметра в полтора, наискосок спиленную вроде иглы от шприца, обрезанную короткую кувалду и армированный шланг, другим концом подсоединенный к ручной помпе для топлива. Это у меня вроде капельницы наоборот.

Огляделся еще раз. Нет, вроде ничего и никого враждебного в поле зрения не видно. Понимаю, что это скорее блажь: до Порт-Артура нам бензина хватает в любом случае, даже с запасом, а потом он нам, скорее всего, и не понадобится, случись найти судно до Европы, – только... а суда-то будут? Насколько действительно в портах сохранилось военное положение, учитывая, что мы едем по пустым дорогам? И не придется ли нам оттуда гнать на этом фургоне еще куда-то? Нет, я лучше сейчас хотя бы пару литров лишнего бензина добуду, чем потом стану локти кусать.

Подошел поближе к «доджу», улегся животом на асфальт. Ага, никаких проблем, бак над задним мостом, виден отлично. Со звоном подтащил к себе трубу, пристроил к самому закруглению бака, где дно смыкается с боковой стенкой. Ну, нам теперь искру не выбить...

Стукнул сначала несильно, без всякого видимого эффекта, затем посильнее. Затем еще сильнее – и лишь когда долбанул в четвертый раз, со всей дури, труба вдруг пробила стенку бака, словно картон, и ушла внутрь, а из ее «ударного» конца бодро потекла на асфальт струйка бензина, которую я быстро отрезал, нахлобучив на этот конец шланг. Герметично не получилось, естественно: капало и в месте пробития бака, и из стыка со шлангом, но не так чтобы сильно. Как я и надеялся, конструкция сработала эффективно.

Перескочив к помпе, я сунул свободно свисающий сливной шланг в канистру, бросил провод заземления на ступицу колеса «доджа» и взялся за ручку насоса. Качнул раз, другой, даже протекать стало слабее, а за непрозрачными округлыми боками канистры зажурчал сливаемый бензин. Отлично!

Кот сверху вдруг издал протяжный, хриплый и довольно агрессивный мяв, так громко и неожиданно, что я чуть рукоятку насоса не выпустил из рук. И сразу в голове ясно и четко, как вывеска над мотелем ночью, прорезалась мысль: «Какая-то мертвечина рядом». Вспомнилась реакция кота надохлых собак.

– Дрика, внимание! – крикнул я. – Следи за той стороной, куда кот смотрит! Я уже заканчиваю!

В цилиндрической канистре пять галлонов, у помпы производительность – десять галлонов в минуту, в общем, ждать всего ничего. Надо закончить и быстро смываться. Кот заорал еще агрессивней и злобней. Хоть мне его и не видно, но я уверен, что сейчас он прилип к крыше фургона, уши к башке прижаты, морда наморщена.

Быстрые шаги Дрики – она обежала меня с другой стороны, направив ствол М-4 в сторону следующего от нас дома, с виду пустого и не заселенного. Перехватив мой взгляд, сказала:

– Кот туда уставился и сейчас совсем взбесится.

Еще пару рывков, захрипело засасываемым воздухом в шланге. Все! Готово! Почти полная, чуть-чуть до верха не хватило. Трубу из бака долой, оттуда струйка потекла. Шланг с нее тоже снять, помпу – в кузов. Черт, вонять теперь бензином будет еще сильнее. Ну и черт с ним, от мотоцикла им и так воняет,

ничего не поделаешь.

Какой-то гулкий стук со стороны соседнего дома, словно там кто-то на стену бросается изнутри, Дрика дергается, взвизгивает и чуть не подскакивает на месте. Но не бежит хотя бы и оружие не роняет.

Канистру в машину, кое-как, потом положу нормально, не до нее сейчас... сейчас мы смываться будем. Двери – бац! Захлопнул, перекинул дробовик вперед, одновременно скидывая через голову ремень: в кабину лезть, сейчас мешать будет. Кот вообще взбесился – как его оттуда доставать? Еще в морду вцепится, он же вообще не в себе. Я раз попробовал своего старшего из драки с соседским вытащить...

– Дрика, за руль! – крикнул я, смещаясь боком, приставными шагами, из-за округлой туши «доджа», перекрывшего весь обзор. – Я прикрываю!

На лице у нее такое облегчение, словно я пообещал через четверть часа ее прямо в Амстердам доставить.

– Бегом, не спи!

Ускорилась, даже пробуксовала. Взревел мотор фургона, и так решительно, что я испугался, как бы она без меня с места не рванула. Бочком, бочком, по-крабьи, сдвигаюсь все дальше и дальше – замечаю, правда, что кот замолчал. Вот и я уже перед капотом, скосил глаза на лобовое стекло и за решеткой увидел сосредоточенную Дрику, закусившую нижнюю губу до крови, аж струйка по подбородку течет. И в этот момент низкое окно в доме напротив превратилось в фонтан стекла, и что-то быстрое и темное вылетело наружу, покатило по земле, а затем вдруг вскочило на четыре конечности, обернувшись к нам оскаленной пастью с невероятным количеством длинных и острых зубов внутри.

Реакции организма сложились к этому времени самостоятельно – мозгу в них никакого простора не осталось. Эта тварь даже принять позицию для атаки не успела, как схватила пять выстрелов картечью подряд, рванувших из нее куски гнилой плоти, шерсти, выбивших зубы и сбивших нежить с ног так, что она покатила. А за это время я успел рвануть к своему месту.

Загадка «почему замолчал кот» решилась сама по себе – Тигр успел не только свалиться с крыши, но еще и забраться на мое кресло, где сидел напуганный, со вздыбленной шерстью, но уже молчаливый. Подхватывать его под пузо я сейчас не решился: неохота потом расплосованную руку бинтовать, – поэтому я просто спихнул его дальше в салон неделикатным толчком под задницу.

Машина тронулась раньше, чем я успел закрыть дверь, рванула с места суетливым прыжком, так что я чуть головой в лобовое стекло не влетел, тяжело накренилась в повороте, кажется поднявшись на два колеса, вынудив меня заорать:

– Стой! С ума сошла?

Остановились мы тоже классно – с черными следами резины, так, что кот слетел со своего законного ящика тушенки и кубарем скатился под приборную панель.

– Быстро из-за руля! – рявкнул я, закидывая дробовик в крепление на потолке.

Нет, так мы точно никуда не доедем, разве что до первого столба. Переоценил я хладнокровие малолетней художницы: там пока чистой воды паника в глазах, руки трясутся, толку никакого.

К счастью нашему, такие фургоны рассчитаны на то, что люди будут ходить внутри. Я заскочил на «кошачий» ящик, закрывавший проход в грузовой отсек, рывком выдернул Дрику из-за руля, переслав ее на пассажирское место, а сам рухнул на освободившееся. И вовремя – подстреленная тварь со стуком врезалась в борт фургона, повиснув на оконной решетке. Дрика даже на пассажирском месте завизжала так, что уши заложило, а сиди она здесь – точно припарковались бы в гостиной какого-то из домов: стенки здесь тонкие, непрочные.

Пахло гнилью, мертвечиной, грязью и уже знакомым ацетоном.

Перекоженная выстрелами зубастая морда ударилась в стальные прутья решетки, за которую тварь держалась длинными черными когтями.

Это собака. Это не просто собака – ведь совсем недавно это должно было быть французским пуделем или другим подобным нелепым декоративным созданием, на твари даже остался розовый ошейник со стразами и каким-то нелепым

бантиком: «девочка» к тому же, мать ее. Нет, я серьезно, не шучу, меня, несмотря на весь ужас момента, вдруг начал разбирать истерический смех. Пудель-пусечка – кровожадный мутант, жаждущий человеческой плоти. И собачьей он тоже где-то нарыл. Много, потому что раскормилась эта гадость раза в три, наверное. Кровожадные пудели – угроза прогрессивному человечеству. Интересно, а с хомячками та же картина?

Рукоятка «зига» удобно легла в руку. Выдернув пистолет из кобуры, я приставил его ствол к решетке, примерно прикинув, где у мегапуделя могут быть мозги, если они, конечно, когда-то имелись в наличии, и выжал спуск. С легкой натугой взвелся курок, грохнуло, и тварь отвалилась назад, просто разжав когти.

– Шандец, – подвел я итог на родном языке. – А ведь мог и порвать, сволочь такая, калибр уже вполне позволял.

Рычаг на руле перескочил в положение «драйв», и фургон поехал дальше. А я обернулся к Дрике, которую заметно трясло:

– Ты что запаниковала?

– Очень страшно, – честно созналась она. – Я таких никогда не видела. Что это было?

– Это была собака, – ответил я. – Не слишком большая – просто отожравшаяся на других собаках. Мутант, в общем, или не знаю, как по-научному. А если еще раз запаникуешь, когда у тебя приказ прикрывать, – получишь по заднице. Вопросы?

В глазах мелькнуло нечто вроде недоумения, угроза была точно не из ее вселенной и не из ее слоя реальности, но поняла она меня правильно. И кивнула, хоть и была обескуражена. Пришлось еще пояснить:

– Если я не могу на тебя полагаться, то нам надо менять тактику. А твоя ценность как помощника резко снижается. Стыдно. Большая ведь уже, даже дяденьку застрелила.

– Дяденька был обычный, а такое... – она показала большим пальцем себе за спину, – ...такое я бы даже нарисовать не сумела, хоть в детстве любила монстров рисовать.

– Монстров? – удивился я. – По тебе не скажешь.

– Мы в Амстердаме живем в центре, почти у самой Дам. Там есть фантастический магазин, где продают статуэтки и картинки всяких драконов, демонов и прочих. Я их с детства любила рассматривать и рисовать. – Помолчала, явно сбившись на воспоминания, затем добавила: – А совсем рядом, на канале, есть магазин «Дьябло», где я покупала одежду, когда мне было пятнадцать. Ударилась в готику, а там все черное и металлическое. Потом надоело быстро.

– И хорошо, что надоело, – сказал я и добавил: – А если еще раз меня подведешь – пересажу навечно пассажиром. Рано тебе еще в бойцы.

Она промолчала, но явно устыдилась. Видать, уже сама себя успела бойцом ощутить, а тут с вершины своей новой самооценки на грешную землю хлопнулась. Ну ничего, это бывает, это даже полезно – научится. Не можешь – научим, не хочешь – заставим, я балласт с собой возить не буду.

Теперь уже я тронул груженный фургон с места, аккуратно и неторопливо, покатав вдоль широкой улицы. Как бы то ни было, а почти полторы сотни километров ходу мы себе прибавили на слитом бензине. Надо будет на привале его в большой бак перелить, откуда мы заправлялись перед этим: пустые канистры еще пригодятся для таких вот набегов на бензобаки – не в последний раз.

Так, если верить навигатору, то впереди единственное стремное место – мост над семнадцатым шоссе, федеральным. Его никак не объедешь: мы влезли в некий аппендикс Антема по другую сторону дороги, и теперь нам надо перебраться через него. Если тут какие злодеи и водятся, то именно на мосту они бы и должны обосноваться – все дороги местные под присмотром будут, и скрытно к ним не подойдешь.

Впрочем, это если злодеи вообще намерены что-то контролировать и им кто-то службу наладил. При иных условиях я бы все же местных зэков так высоко

не оценивал. Но посмотреть на мост издали желание есть – неохота туда на всем ходу врываться. Меня вообще в последнее время всякие мосты, дамбы и прочие места, которые никак невозможно миновать, очень напрягать стали, особенно после той засады, в которой погиб Джефф. Тоже ведь дорог было много, но в одной точке они все сходились. Там нас и дождались.

С другой стороны, мостов впереди ожидается много, перед каждым не набегаешься, а зомби-пудель, кинувшийся на нас только что, как-то отбил охоту высовываться наружу из безопасного нутра фургона с зарешеченными окнами.

Мы вывернули на центральную улицу этого района, и сначала справа, а чуть погодя слева показались большие торговые центры, окруженные огромными стоянками, на которых еще хватало брошенных владельцами машин. Остановившись, я оглядел одну из стоянок в бинокль и заметил, что хватает там не только машин, но и их бывших владельцев – тут и там в тени на асфальте сидели и лежали мертвяки, причем некоторые даже в тень под грузовики залезли. Все же солнце им жить мешает? Высыхают или перегреваются? Вот бы узнать... высыхают все же, наверное. Ну и что тогда? Сушить их, что ли?

Ладно, авось все высохнут со временем, а мы пока дальше поедим. У нас путь впереди длинный, какой не всякому Жюль Верну представлялся. А пока главное – мертвяки к нам особого внимания не проявляют, так что можно и пешком пройтись по дороге, авось не кинутся.

Вскоре разглядели мост. К счастью нашему, он был виден издали – местность здесь как стол плоская, и дорога к нему вела прямая как стрела. Никого на нем не было – пустота, лишь у самых снесенных перил с правой стороны лежал перевернувшийся развозной грузовик с кузовом-будкой.

Все так же не спеша выбрались на него, а затем Дрика сказала:

– Там справа люди.

Я притормозил. Место здесь безопасное явно, по несколько сот метров открытого пространства в каждую сторону – не подбежишь, не подкрадешься, можно и посмотреть, что там за люди.

– За руль не садись, – сказал я, – в охране у фургона будешь, от него ни на шаг, смотреть во все стороны. Поняла?

– Ага, – кивнула она.

Это мы отрабатывали еще в лагере возле водохранилища, так что ничего нового я не сказал. И сейчас она поступила так, как я ее тогда учил: подхватив «штайр» с оптикой, вывалилась из кабины и присела на колено, оглядываясь. Так и будет понемногу перемещаться вокруг машины, оглядывая окрестности и прикрывая меня с тыла. А я, тоже уже привычным движением подхватив с потолка оружие, побежал к перилам моста.

Уже на бегу я не только заметил, но и услышал людей – впереди постреливали. Негусто, это явно не бой шел, а редко, отдельными сериями, что уже привычно: так обычно отстреливают мертвяков. Наслушался такого за последние недели.

Присев на колено за высоким «антипрыжковым» ограждением из сетки, призванным лишить потенциальных самоубийц возможности сигануть сверху на крышу машины, идущей под мостом, я взялся за бинокль.

От моста вниз вела узкая дорога развязки, и в том месте, где она сливалась с федеральным шоссе номер семнадцать, расположился мотель, привлекая мое внимание голубым бассейном. А сразу за мотелем, примерно в четырех сотнях метров от меня, расположились какие-то здания, примыкавшие друг к другу вроде буквы «Г» или «L», попарно перевернутых валетом. Может быть, торговый, а может, даже и офисный центр, отсюда было не разобрать. Стреляли внутри, похоже, поэтому я сразу и не понял – доносилось все приглушенно. Вот там и были люди – несколько пикапов и грузовиков, возле которых присели несколько человек с винтовками, в гражданской одежде.

Мертвяки к ним не шли, хотя на песке перед стрелками валялось несколько тел. А вот за мотелем зомби были, но они предусмотрительно на рожон не лезли – заметили, наверное, что «коллег» перестреляли. Умнеют и умнеют. А сунься кто за угол мотеля – тут ему и сюрприз будет: их там штук тридцать скопилось – кинутся разом, и не отобьешься.

В бинокль с моста мне было видно, что сидящим возле машин меня на мосту тоже было видно и тоже в бинокль. Как раз один из мужиков показал на меня

второму. А вот что случилось дальше, мне совершенно не понравилось: тот вскинул винтовку с оптическим прицелом, оперев ее сошками на капот белого пикапа, и дальше я упал за высокий, примерно полуметровый бордюр, укрывшись от выстрела, выбившего искры из стальной сетки прямо у меня над головой.

– Офигели? – крикнул я по-русски.

Было желание открыть ответную пальбу, но примерно на четырех сотнях метров мой карабин не мог составить никакой конкуренции мощному «болту» с оптикой и на сошках, да и зачем? И, решив не ввязываться в драку с какими-то мутными беспредельщиками, стреляющими по людям, я сначала на четвереньках, а потом бегом кинулся к фургону, крикнув на бегу честно охранявшей «экспресс» Дрике, нервничающей, но с места не двинувшейся:

– Давай в машину!

Повторять не пришлось – она с низкого старта сорвалась с места и ловко заскочила на сиденье, ухватившись за ручку на передней стойке, и я уже через несколько секунд оказался за рулем и рванул фургон с места. Нечего тут рассматривать, ноги делать надо.

Погони за нами не было: стрельнули в меня, видать, для развлечения, но я еще минут десять поглядывал в зеркало заднего вида. Урок из случившегося я извлек, причем очень важный: не все люди дружелюбны. Не то чтобы я этого не подозревал – было бы смешно утверждать подобное, – но неожиданностью для меня было то, что кто-то готов стрелять в живых даже без повода, а просто так, потому что на глаза попался.

Опять с двух сторон замелькали дома небедного вида, хоть чуток и пожиже тех, что были в том месте, где мы бензин сливали, да и стоящие погуще. Справа мелькнул какой-то парк, за ним «общественный центр» с огромным открытым бассейном, какие очень популярны в этих бедных водоемами краях, но, в общем, ничего интересного. Заметно только, что этот пригород Финикса с нашей «красношейей» Юмой уже не сравнить – тут явно денег побольше водилось.

Широкая, плавно изгибающаяся дорога начала просто поворачивать в обратную сторону, огибая Антем, и у нас появился выбор – или перебираться на узкое,

но прямое как стрела шоссе под названием Десерт-Хиллз Драйв, или забирать еще правее, стараясь объехать земли вокруг тюрьмы по еще большему кругу.

Я выбрал второе и свернул налево, чуть не сбив какого-то полуразложившегося толстяка с мордой, покрытой толстой коркой запекшейся крови, выбежавшего к машине из-за угла одного из коттеджей. Интересно, но мне показалось, что он попытался остановиться, когда разглядел решетки на окнах машины: он сообразил, что ему не дотянуться ни до кого внутри. Остановиться не вышло – немалая его масса протащила мертвяка вперед, и он с ходу врезался в борт машины, глухо бухнувший металлом, и отвалился назад, упав на асфальт.

А мы погнались дальше. Слева и справа тянулись все те же приличные домики, у некоторых стояли автомобили, но сливать горячее как-то не хотелось – очень уж «замертвяченное» место. Даже странно, как тут так все получилось.

Вскоре широкая дорога центральной улицы вильнула влево, а я скатился на потрепанный асфальт дороги поскромнее, чуть вздутой посередине, как здесь часто бывает из-за жары, и с трещинами вдоль осевой линии. Пейзажик из современных и модных «холидэй хоумз» сменился домами попроще, построенными вразброс, появились фермы, выглядевшие брошенными и пребывающими в запустении. А затем я испытал нечто вроде легкого шока, хотя, казалось бы, в последнее время всего успел насмотреться. Прямо навстречу мне по дороге, стараясь держаться в тени, шли двое мертвяков. Удивительным же было то, что они были голыми, совершенно. Пожилой лысый пузан с интеллигентной бородкой, слипшейся от крови, искусанными руками и пятнами тления по всему телу и рядом с ним – ничуть не более приглядная пожилая тетка, грузная, со складками сала на боках, перекошенной головой и длинными растрепанными лохмами, свисающими на болтающиеся груди.

– Фу, гадость какая... – сморщилась Дрика. – На них в постели напали?

– Они были в постели в кроссовках? – уточнил я, сам во все глаза таращась на такое чудо.

Мертвяки остановились и смотрели своими дикими глазами на медленно проезжавший мимо них фургон, ничего не предпринимая. И действительно, оба были одеты в белые теннисные туфли не из дешевых, но, кроме обуви, на них не было ничего. А через минуту нам навстречу попался еще один мертвяк,

тоже совершенно голый, бывший длинным и тощим мужчиной лет сорока до того, как кто-то напал на него сзади и искусал всю спину, плечи и затылок. Кроссовок на нем не было, но на одной ноге болталась пляжная тапка, как-то перескочившая аж на щиколотку.

- Баня у них там, что ли? – спросил я сам себя.

Однако мучиться неизвестностью пришлось недолго – слева потянулся высокий забор, за которым виднелись крыши отельного вида бунгало, а затем мы увидели арку с надписью «Шангри Ла. Нудист Ресорт». Ага, вот оно что... вот откуда голые мертвяки разбрелись по окрестности. За воротами я увидел еще двоих таких, сидевших под деревом, в тени. Я притормозил – и не зря, потому что сразу же увидел нечто интересное: прямо у меня на глазах какой-то мертвяк неловко слез в бассейн. Не в большой, где надо плавать, а в «лягушатник», детский, но наполненный грязной водой примерно до половины: вся еще не успела испариться. Это зачем?

- Что там? – спросила Дрика.

- Мертвец в воду полез, – сказал я, – а мне в лагере говорили, что от воды они подальше держатся.

- Точно... – сказала она, нагнувшись вперед и вглядевшись через мое окно, – я тоже слышала. Почему, интересно?

- Просто нуждаются в воде? – предположил я. – Жара же, сухо, они должны влагу терять, и им тогда конец, если так. Не может быть, чтобы они ее как-то не восполняли.

- Возможно, – согласилась Дрика. – А вообще их очень мало на улицах, тебе не кажется?

- Почему так думаешь? – озадачился я, вновь трогая фургон с места.

- Потому что если бы их было так мало на самом деле – люди бы их давно истребили и жили в своем городе сами. Мы несколько десятков всего видели, хотя целый городок проехали. Когда ты меня вез из того дома в Юме, их было

куда больше, – изложила она задумчиво.

– Ну... да, верно, – согласился я.

– А если они сумели выжить или съесть людей, значит, их должно быть много, – добавила Дрика. – А мы видели мало. Где остальные?

– Хм... – только и сказал я в ответ.

Вообще-то мог бы и сам об этом раньше подумать: это же все в глаза бросается, и, чтобы прийти к такому выводу, какой сделала Дрика, достаточно владения логикой на уровне детского сада. А я как-то не совладал. Будем считать, что мне просто некогда было – все дела, дела... Но все же где все мертвяки? Прячутся? Почему тогда не все прячутся? Правда, и среди людей найдется десять дураков на сотню нормальных, так почему бы и среди мертвяков таким не быть? Пудель этот самый ведь из дома выпрыгнул. Выпрыгнула. Хотя оно могло и там откормиться – другими пуделями, некоторые местные обитатели таких шавок чуть не сворами держат: чтобы гадили побольше, наверное.

Домик бы какой проверить, что ли? А что это нам даст? Можем только на неприятности нарваться, а даже если убедимся, что мертвяки живут в домах, пьют пиво у телевизора и ленятся ходить на улицу, на наше путешествие это никак не повлияет: мы все равно намерены держаться подальше от любых населенных пунктов, если они населены не сплошь обычными живыми людьми. Если мертвыми, то уже нам точно не подходит – не наш стиль.

Так мы и ехали. Никто в нас больше не стрелял, иногда видели мертвяков. Затем нас навигатор вывел в Скоттсдейл – как ни крути, а нам надо было попасть на развилку десятой федеральной и восемьдесят седьмой, так что пришлось снова забирать к югу. Крюк получался фантастический по лишнему пути, но зато мы объезжали полуторамиллионный мегаполис. В основном объезжали.

Сначала мы угодили в Скоттсдейл – царство денег, гольф-клубов, дорогих отелей, «гейтед комьюнитиз» – огражденных деревень из роскошных вилл с отличной охраной, но никаких признаков нормальной жизни не увидели. Более того, мы почти не видели целых домов или машин – все было выжжено, разгромлено и расстреляно. Похоже, что Самый Богатый Городишко Америки превратился в руины и пепел. Населенный на девяносто процентов богатыми

стариками, вышедшими на пенсию, этот город меня даже несколько напугал, когда мы с женой заехали в такое примечательное место и провели здесь три дня. Одни старики кругом, умирающий мир. Сирены «скорой помощи» слышны чаще, чем детских смех, а в некоторых «огороженных деревнях» само присутствие детей было просто запрещено. Маленьких мерзких шавок – можно, а вот детей – нельзя, правила такие.

И вот результат... несколько немощных, глубоко престарелых зомби, как-то умудряющихся ковылять, таких никудышных, что их даже стрелять было странно, попавшихся нам по дороге, и сплошное разорение. Не удержался, плюнул в окно, когда мы миновали эту «жемчужину инвестиций в собственность». Сгорело все на хрен и сдохло, вот и все инвестиции. Тьфу!

Затем нас протащило по самым фешенебельным окраинам Финикса, тоже горелым, мерзким, со следами перестрелок, с объединенными смердящими костяками прямо на дорогах и тротуарах. Очень много костяков – город, похоже, погибал в прямом смысле этого слова, не ввали тогда телевизор с Интернетом. А вот мертвяков было очень мало, что удивляло, хотя в одном месте нам пришлось удирать от удивительно корявого, но быстрого и крупного мутанта, выскочившего непонятно откуда и едва не врезавшегося в борт. Хорошо, что я заметил боковым зрением какое-то движение и просто вдавил педаль газа в пол до упора, отчего увесистый фургон достаточно чувствительным рывком прыгнул вперед.

Тварь гналась за нами недолго – метров пятьдесят всего, после чего уселась посреди дороги, крутя уродливой башкой, ну и мы не стали вступать в бой, а просто уехали. Нечего, не до этого нам.

Так добрались до нужной нам развилки, где и свернули с очень хорошей, гладкой дороги на тоже хорошую, но уже чуток похуже. Опять начал меняться пейзаж – появились высокие холмы с крутыми склонами, да еще и поросшие самым настоящим зеленым кустарником, от какого в пустынной Аризоне давно глаз отвык – все вокруг вечно желтое и пыльное.

Правда, такой ландшафт с холмами по сторонам начал напрягать мою параноидальную часть натуры – случись чего, так и свернуть с дороги некуда, разве что в кювет. До этого в большинстве мест можно было рвануть просто в пустыню, наплевав на все.

Но никаких засад не было, правда, пару раз попадались машины навстречу. Но вели себя не агрессивно, да и в обеих были люди семейные, с женами, детьми и даже собаками. Тоже куда-то в путь тронулись – видать, переждав период наибольшего бардака и где-то пересидев чрезвычайное положение, которого я, впрочем, так и не заметил.

– Когда будем ночлег искать? – спросила Дрика вскоре. – Финикс ведь проехали, верно?

– Верно, – подтвердил я. – Скоро начнем уже, когда доберемся до поворота на Джиселу.

– А что там?

– Это такой маленький-маленький городок в стороне от фривея, человек пятьсот там живет. Его главный плюс – стоит на отшибе и прямо на реке.

– Хочешь податься туда? – уточнила она.

– Не знаю, но подумываю об этом. Хочется очутиться как можно дальше от главной дороги.

– И зачем нам тогда городок? – удивилась она. – Ты настолько уверен в жителях, что не боишься обычного грабежа?

– Боюсь, – согласился я с нею. – С другой стороны, могли бы устроиться на ночь с доступным комфортом. Народ в таких городках редко бывает злодеями, чаще всего наоборот.

– Мне кажется, что рисковать все равно не стоит, – покачала она головой. – Мы на сколько ночей в дороге рассчитывали, на три? Вполне можно поспать прямо в фургоне.

– В фургоне придется караул ночью держать, без него я даже посреди пустыни спать не решусь, – ответил я. – А если среди людей, то можно будет выспаться.

– А у нас вон... Тигр покараулит, – улыбнулась она, опустив руку и с силой погладив разомлевшего на ящике с консервами кота.

Она пошутила, но я подумал, что эта шутка содержит в себе лишь долю таковой. Пока кот безошибочно определял присутствие нежити, правда... в обоих случаях это были собаки, а его реакцию на зомби-людей проверить пока не удалось. И еще интересно – кот явно решил остаться с нами и никуда не уходить. Не могу сказать, что я против, я вообще к этим зверям с большим почтением, но если он еще сможет за сигнализацию работать, то тогда его ценность как члена экспедиции вырастает необыкновенно.

– Тигр, может, и покараулит, но мы пока с ним смены поделить не успели, – тоже отшутился я. – Ладно, доедем до поворота на Джиселу и подумаем.

– Кстати, а если дальше ехать, то что будет?

– Пэйсон, – ответил я, глянув мельком на сложенную карту, – довольно крупный городишко, и после него еще несколько поменьше. Так что лучше к вечеру туда не соваться.

– Почему?

– Нарвемся на проблемы, например, придется удирать или отбиваться, а дело уже к темноте понемногу... Дальше сама понимаешь.

Дорога перемахнула через небольшой мост над маленьким каньоном, проточенным в теле пустыни пересохшей сейчас рекой, и мы увидели указатель «Джисела». А дальше, примерно в километре после этого поворота, виднелись еще какие-то строения, напоминавшие ангары, и вроде даже заправку. Я остановил машину и, оглядевшись, выбрался с биноклем наружу, приказав Дрике прикрывать.

Что-то непонятное впереди вроде небольшой промзоны возле дороги. И трейлерный парк для путешественников, где стоят несколько белых трейлеров. Людей не видать совсем. Какие-то прицепы в огороженном дворе, накрытые светлым брезентом. Непонятно. Вернее, понятно, что магазин какой-то, но прочитать надписи на фасаде под таким углом невозможно. Проверить, что ли?

Где большие ангары, там можно и чем-то разжиться, спрятаться и даже спрятать машину, да и вероятность нарваться на немногочисленных мертвяков в этом месте невелика. Дальше – Пэйсон, и, скорее всего, этот придорожный магазин на приезжающих оттуда и был рассчитан: вряд ли здесь на момент Катастрофы было много людей. Очень сомневаюсь в этом. А если немного, то и мертвяки нам не слишком страшны, отобьемся. В общем, велик соблазн попытаться пристроиться там.

– Давай глянем, что там делается, – сказал я, усаживаясь за руль.

Пыльная полоса шоссе понесла нас дальше, настороженно оглядывающихся и готовых в любой момент открыть пальбу или просто дать деру. Но пока нам вроде бы ничто не угрожало. Справа мелькнула заправка с магазинчиком, стоянка жилых прицепов, с виду совсем пустынная, затем какой-то временный склад из контейнеров перед строительной площадкой, на которой успели только грунт разровнять и заборчик поставить.

– Куда двинем – налево или направо? – спросил я Дрику, предлагая выбрать из трейлерной стоянки и магазина... кого бы вы думали? Лодочного дилера. Посреди пустыни. Те самые прицепы и были лодками.

Впрочем, магазин под названием «Четыре сезона» еще торговал, судя по всему, квадроциклами и прочими пустынными средствами – реклама «Полариса», «Ямахи» и «Сан-Трэка» говорила сама за себя. Другое дело, что на площадке остались только лодки и ничего больше, все остальное отсюда кто-то предусмотрительно попятил. Ну, может, оно и к лучшему: нам, по большому счету, только помещение и нужно, а если отсюда планомерно эвакуировались, то есть вероятность, что мертвяков не наплодили.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вторая поправка к Конституции США закрепляет право на свободное владение оружием гражданами страны (по факту – резидентами штатов, что немного другое).

2

«Холидэй хоумз» (Holiday homes) – недвижимость в курортных зонах, используемая хозяевами во время отпуска. В остальное время чаще всего предлагается в аренду.

Купить: <https://telnovel.com/andrey-kruz/ot-chuzhjih-beregov>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)